

Дана Рубина

Дина Рубина

Кокситель

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р 82

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Р 82 **Рубина, Дина.**

Коксинель / Дина Рубина. — Москва : Эксмо, 2015. — 512 с. — (Дина Рубина. Собрание сочинений).

ISBN 978-5-699-72923-4

С возрастом, когда успокаивается телесный жар, когда слово «страсть» обретает иные смыслы и может означать не только любовную лихоманку, что треплет тебя днями и ночами... — с возрастом драгоценное чувство любви настаивается, как вино. Ты обретаешь зрение и можешь ощутить наконец осторожное послевкусие любви — а оно бывает таким разным! С возрастом любовь взрослеет, умнеет, память ее обрастает целым каскадом смыслов, жестов и слов. Это уже не мимолетная песенка, это симфоническая поэма зрелого чувства, это годы, вобравшие в себя все улыбки, морщинки, пряди окрашенной седины... Все расставания, предательства и провалы. И все же бывает — где-нибудь далеко от дома, в чужой стране, увидишь сценку, ссору, гримасу боли на незнакомом лице, независимую походку оборотня-коксинеля... и сожмется сердце: вот оно, наказание; вот мстительная беспощадная сила любви. Незабываемой, непрощающей, горькой... И все-таки мило-сердной.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-72923-4

© Рубина Д., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Повести
и рассказы

Высокая вода венецианцев

Ренате Мухе

Она догадалась за несколько мгновений до того, как Юрик взял в руки протокол рентгеновского исследования. Просто: вдруг поняла. Такое с ней изредка случалось за игрой в преферанс, она внезапно понимала — *видела* — карты в прикупе.

Собственно, плохое заподозрила она раньше, когда конверт со снимками не выдали на руки. И сейчас, сидя на кушетке в ординаторской, отметила, как завис в руке у Юрика этот подробно исписанный листок, отделился, обозначился роковой вестью.

Он продолжал всматриваться в написанное, как будто мог вычитать что-то еще, опровергающее, намекающее на некий чудовищный розыгрыш... В эти несколько секунд она смотрела в его лицо жадно, отчаянно, пытаясь уцепиться за взгляд, как цепляется побелевшими пальцами за карниз человек, выпавший из окна восьмого, скажем, этажа.

— Кутя, — проговорил он наконец (она бессознательно отмечала движения твердых бледных губ столько лет знакомого лица), — тут такое дело... Он видит

8 единственный метастаз в легком... Значит, будем искать источник... будем обследоваться... Завтра «построгаем» тебя на «сити», и... речь, видимо, пойдет об операции... ну, сама понимаешь...

Хорошенькую они тут себе взяли моду — сообщать пациенту диагноз. Проклятая этика западной медицины... Впрочем, он и не смог бы от нее ничего скрыть... Слишком прямо смотрит в глаза, молодец, выбрал достойный тон — озабоченный, но без паники... такое профессиональное спокойствие. Наверняка трусит. Он и на контрольных всегда был абсолютно как бы спокоен, особенно когда не знал темы.

Разумеется, ее звали не Кутей. Это была школьная кличка. Во втором классе осенью она приволокла с улицы щенка — мокрого и дрожащего. Носилась с ним по школе весь день, тиская и подвывая: «Ку-у-тя, ку-у-тя...» Щенка назвали Артуром, он вырос в громадного пса и прожил в семье шестнадцать лет, застав еще ее дочь, которой тоже уже...

Да, а кличка осталась.

Стоп, но ведь это может быть ошибкой. Мало ли чего видит там этот парень. Подумаешь — рентген!

— Это может быть ошибкой! — сказала она, рывком подавшись к нему с кушетки и по-прежнему жадно следя за его губами. — Юрик, мы знаем миллион таких случаев. Скажем, туберкулез... Его часто путают с...

— Да-да, — сказал он, — да, конечно!

И не выдержал. Обнял, крепко прижал к себе — это была единственная возможность укрыться от ее истошно орущих глаз — и повторил:

— Кутя, Кутя... только не дрейфь, все будет хорошо... Найдем источник, прооперируем...

Она оттолкнула его, ударила кулаком в грудь, закричала:

— Какого черта вы суете мне под нос ваш вонючий диагноз! Ублюдки! Зачем мне знать, что я скоро подохну?!

Бросилась прочь от него к двери, но сразу вернулась, вцепилась в отвороты халата:

— МИША! НИЧЕГО! НЕ ДОЛЖЕН! ЗНАТЬ! Ты понял? Ничего!

На Юрика жалко было смотреть. Он совершенно растерялся.

— Но это нельзя, нельзя! Тебя надо срочно обследовать! Завтра ты должна быть здесь, на компьютерной томографии... Успокойся! — Он сильно сжал ее руки. — Кутя, черт бы меня побрал... Подожди, я отпрошусь, отвезу тебя домой.

— Отпусти меня на неделю, — сказала она, задыхаясь, — дай неделю!

— Исключено.

— Пять дней! — крикнула она. — Дай продышаться!

С детства никогда не мог он устоять против ее характера. И это знали они оба...

— Но в понедельник, в восемь, ты должна быть здесь!

— И насчет Миши... Ты понял?

— Ну, хорошо, — измученно согласился он, — но в понедельник, в восемь...

...Вдруг она обнаружила себя на скамейке с банкой диетической колы в руке. Значит, вышла из здания клиники, подошла к киоску... протянула деньги... что-то сказала... ей дали сдачу... И все это — минуя сознание?!

Стоп! Так можно черт-те до чего дойти...

Она огляделась. Несколько молоденьких кружевных акаций образовывали скверик... На скамейке напротив девушка, из религиозных, читала карманный молитвенник, шевеля губами...

Солнечный иерусалимский полдень, третье ноября,

10 вторник... Жизнь, в сущности, кончена... Да-да, будет, конечно, и пятнадцатое, и двадцать пятое ноября... Не исключено, что будет какое-нибудь шестое апреля, но уже из окна комнаты — уголок, скажем, неба, если повернуть голову на подушке... Какие-то мечущиеся мысли: надо звонить куда-то — куда? Сообщить кому-то — кому? О чем? Что-то важное доделать — что?

Что могло быть важнее и окончательнее того, о чем она узнала пять минут назад? И откуда идиотское ощущение, что даже это — не конец? А что же? На что ты надеешься и какие эксперименты собираешься проводить там, на небесных мышах?

Кстати, о мышах.

Она отыскала в сумке телефонную карточку, на обороте которой был напечатан текст национального гимна. Карточка изрядно попользована. Ничего, на две минуты хватит. Она зашла в ближайшую телефонную будку и набрала номер лаборатории.

— Юля, слушай внимательно, я с улицы, и карточка тает. — Это было необходимое вступление. Общительную аспирантку Юлю следовало нейтрализовать с первого вдоха. — У меня серия рассчитана на неделю, осталось три дня, а мне необходимо исчезнуть. Молчи! Слушай! Я знаю, что ты колоть не сможешь, но упускать нельзя ни в коем случае. Так попроси Володю с третьего этажа, он знает, он заколет. Это лысые, те, что сидят в блоке двенадцать. Образцы в холодильнике слева, на полке... Поняла?

Юля вскинулась что-то объяснять, спрашивать, извиняться...

— Юля, цыц! У меня кончается карточка. Тебе все ясно? Два слова — как там дела?

И Юля, вымуштрованная ею, как солдат на плацу, ответила что и полагалось отвечать:

— Все хорошо, они умирают!

И, оглушенная этой фразой, этим привычным их девизом, минуты три она стояла в телефонной будке, не в силах повесить трубку на рычаг.

...И вновь застала себя на той же скамейке... Да что ж ты, как коза на привязи, освоившая свой безопасный ареал — лужок с уже изглоданными кустиками, — возвращаешься и возвращаешься к знакомой скамейке... Проклятье! Откуда это малодушие, эта дрожь, этот детский липкий ужас?!

— Ну, умрешь! — громко сказала она вслух. — И черт с тобой. А ты как думала? Моцарт умер, а ты будешь вечно живая?

«И Моцарт, — подумала она, — и Моцарт, и кое-кто еще, и кое-кто другой, о чем не учат в школе...»

Она сидела в своей привычной позе: лодыжка согнутой левой ноги на колене правой. Дурацкая студенческая поза, пора изживать, доктор Лурье. Да ничего уже не пора... из-жи-вать. Ибо вот, ты прожила свою жизнь, так и не сменив потертых джинсов на что-то попримечнее. Доктор Лурье.

По тому, что руке стало жарко (солнце переместилось влево), она поняла, что сидит так, по-видимому, уже долго, рассматривая свою загорелую щиколотку сквозь припыленную кожаную плетенку босоножки. Лак на ногтях пооблупился, надо бы снять и покрыть свежим. Она положила ладонь на эту — свою и как бы уже не совсем свою (а чью еще? что за новый хозяин объявился вдруг в ее целиком ей принадлежащем теле?) — тонкую щиколотку еще молодой женщины. Да-да, тридцать девять, хороший возраст... Хороший возраст для неконтролируемого деления раковых клеток.

Немедленно встать!

Она поднялась со скамейки...

Теперь куда же? Хорошо, что есть время до вечера, пока Миша придет с работы и спросит, была ли она у Юрика и что тот считает надо делать с ее вечными бронхитами...

Она сглотнула воздух. Уже несколько раз с того момента, когда, не глядя в листок, исписанный рентгенологом, она вдруг *увидела* диагноз, — несколько раз за утро плотно ощутимый комок ледяного бабьего ужаса взмывал из желудка к горлу и застревал так, что приходилось сглатывать.

Нет, нет, все вздор! Сотни людей излечиваются. Ну, не излечиваются — *тебе ли не знать!* — под... подлечиваются. Во всяком случае, еще какое-то количество лет живут дальше, работают, любят, путешествуют...

Путешествуют...

Минут через двадцать она уже сидела в кресле перед столом, за которым ее знакомый турагент Саша элегически перебирал клавиатуру компьютера, рассеянно — так казалось со стороны — поглядывая на экран. На самом деле Саша был профессионалом и видел все.

— Вот, например, — сказал он лениво, — Амстердам, сто девяносто девять, послезавтра.

— Не годится! Я же сказала, Саша, мне надо уехать сегодня.

На людях — и она это с удивлением отметила — ей стало гораздо легче. Мир вокруг нее восстанавливался, собирался, как пазл, заполнялся голосами, звуками улицы, разумными действиями людей. Мир был прекрасно обустроенным, привычным уютным обиталищем, цельной картиной, в которой и она была значительной и необходимой деталью, а значит, не могла не существовать и впредь.

— Ага! — вдруг воскликнул Саша с явным удовольствием мастера, любующегося результатом своих усилий. Он даже ласково прошелся ладонью по клавиату-

ре, как по холке любимой призовой кобылы. — Вот то, за чем я охочусь! Добро пожаловать в Венецию!

— А там не холодно сейчас? — спросила она, уже понимая, что — конечно, конечно Венеция! Именно Венеция! Как она могла жить до сих пор, ни разу не быв в Венеции! — А что там — карнавал?

— Да нет, — сказал Саша, — карнавал же в феврале. Но сейчас огромные скидки на билеты. Осень, не сезон, возможны наводнения... Возьмите куртку. Я попытаюсь заказать номер в недорогой гостинице в центре, есть такая — «Аль Анжело», прямо на площади Святого Марка.

А она уже вцепилась в эти так сладко звучащие имена, уже поплыла им навстречу, уже поверила, что все будет хорошо сейчас, немедленно и навсегда.

— Черт возьми, Саша! — воскликнула она. — А вы знаете, что в институте два года подряд я брала факультатив итальянского? Да-да! Ни черта, правда, не помню, но где-то у меня валяются учебник и словарь... Мне нравится этот поворот событий, — сказала она решительно. — Мне... ми пьяче. Ми пьяче, Саша!

— Ну вот, видите, как славно, — сказал Саша, сам донельзя довольный. — Я заказываю... Вы успеваете. А билет вас будет ждать в аэропорту, на стойке регистрации.

...Дома она столкнулась с дочерью, хотя надеялась, что успеет улизнуть, оставив веселую извинительную записочку. Впрочем, подумала она, так даже лучше. Миша не будет настолько потрясен и испуган ее необъяснимым отъездом, если сейчас удастся *запудрить мозги* ребенку.

Она зашла в ванную, включила воду и распустила волосы, что всегда требовало некоторых строительных усилий: невероятное количество заколок и шпилек держало в каком-то пристойном порядке ее густые

14 длинные волосы редчайшего природного цвета — темно-золотистой меди, того благородного пурпурного оттенка, который невозможно назвать ни рыжим, ни красным, ни просто каштановым... Разделась и встала под душ.

— Ну, что сказал Юрик? — спросила дочь, заглядывая.

— Да так, ерунда... — сказала она, намыливая губку.

— А конкретней? — Дочь унаследовала ее характер, въедливый, настырный, пунктуальный.

— Отвали, — коротко попросила мать, задерживая клеенчатую шторку.

Странно, что дочь — студентка второго курса университета — в это время дня оказалась дома. Не иначе как опять поссорилась с приятелем, этим вялым ничтожеством с бескостным рукопожатием. Девочка утверждает, что он талантлив. Как может быть талантливым человек студенистый, словно устрица? Ее так и подмывало спросить у дочери, чем он трахается. Но Миша, со своим извечным благородством, всю жизнь унимал хулиганские поползновения жены.

— Слушай... — Она накинула халат, завязала мокрый узел волос (серия привычных, почти бессознательных круговых движений пальцев по вколачиванию шпилек и заколок в усмиренного, свернутого кольцами удава на затылке). — Одолжи мне пару свитерков, я тут сбегу от вас дней на пять в более умеренные широты.

— Куда это? — удивилась дочь.

— Не твое дело, — спокойно отозвалась она.

— Ого! — Дочь смотрела на нее с тревожным восхищением. — Уж не романчик ли ты закрутила, бабуля?

Между ними была разница в девятнадцать лет. «Наглая девка», — подумала мать с горьким удовольствием, а вслух повторила коротко:

— Не твое дело!

Дочь помогла ей собрать небольшую дорожную сумку, делая вид, что все о'кей, задавая попутно вполне бытовые вопросы: «А махровый халат берешь?» — «Нет, он тяжелый, положи тот голубой, шелковый», — пытаюсь скрыть свое замешательство. Дочь была ее точным повторением — поразительная копия, с материнской походкой, теми же подростковыми ухватками, той же манерой сидеть задрав ногу на ногу. Вот только цветом волос пошла в Мишу и носила короткую светлую стрижку — и поэтому была совершенно иной женщиной.

— Но у тебя же эксперимент, — вспомнила дочь. — Кто закончит? Юля?

— Да нет, у Юли же аллергия на мышей. Есть там один, с третьего этажа... Ничего, справятся, не маленькие.

— Я вам факсовать буду, — пообещала она, когда водитель такси уже вызванивал ее вниз, к подъезду, — р-романтические эпистолярки...

— Ты что, и телефона не оставишь? — спросила дочь с явной уже тревогой.

Тогда она чмокнула своего единственного ребенка, что случалось крайне редко, и сказала:

— Вот дура, кто ж в таких случаях телефон оставляет! Дочь внимательно смотрела на нее.

— Но ты отца-то, надеюсь, не бросишь? — спросила она, кривой усмешкой демонстрируя свойский — как бы — юморок. На самом деле совершенно была обескуражена ситуацией.

Ничего, ничего. Лучше так, чем...

— Может, и брошу! — задорно крикнула она, садясь в такси и захлопывая дверцу.

И уже внутри, откинувшись на сиденье, расслабив лицо: брошу, милые. Я всех вас скоро брошу.